

Я слышу зов, неслышимый вам,
Гласящий: – В путь иди! –
Я вижу перст, невидный вам,
Горящий впереди.

У. Блейк

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дети гордятся успешными родителями. По крайней мере, успешным родителям нравится так думать. Что при этом думают сами дети, по большому счету никого не интересует. А зря. Потому что если в детстве ты действительно гордишься известностью своих мамы и папы, то в юности к этому чувству начинает примешиваться легкий страх, а будешь ли ты их достоин. Наступает такой возраст, когда очень важно быть кем-то самому, а не просто сыном или дочерью «Марьи Петровны» или «Ивана Ивановича».

По крайней мере, двадцатидесятилетняя Настя Пальникова о своей самоидентичности думала достаточно часто. Будущим летом она заканчивала бакалавриат юридического факультета, где все четыре года училась исключительно на пятерки, славилась общественными нагрузками, которые взваливала на себя добровольно и несла с честью, имела за плечами юношеский разряд по фигурному конькам, подрабатывала младшим помощником у известного адвоката Аркадия Ветлицкого, а в выходные охотно становилась волонтером приюта для собак.

И даже самой себе Настя редко признавалась в том, что вся ее активность вызвана только одним — утвердиться в жизни умной, работоспособной и упорной Настей Пальниковой, а не просто дочерью известной журналистки Инессы Перцевой.

Мама в их городе была настоящей звездой. Ее все знали, и она всех знала. Ее фамилия отпирала любые двери, и в детстве Настя постоянно слышала за спиной шепоток: «Смотри, смотри, это дочка Перцевой».

Мамой она гордилась, но характеристика «дочка Перцевой» с годами начала раздражать неимоверно. К счастью, мама не просто работала под псевдонимом, но и в обычной жизни имела с Настей разные фамилии. Настя была Пальниковой по отцу, с которым мама развелась, когда она была еще совсем крохой. А мама в паспорте была записана под фамилией второго мужа – Полянская. И за последние годы их мало кто идентифицировал как дочь и мать, по крайней мере, Настя сделала для этого все от нее зависящее, а потому сейчас жила наконец в относительной гармонии с собой.

Даже Ветлицкий не знал, что она – «дочка Перцевой», и Настю это вполне устраивало. На работу ее взяли благодаря способностям и держали благодаря исключительно деловым качествам. Аркадий слыл мужиком крутым и к сантиментам не склонным, а потому никакая протекция бы не помогла, будь Настя глупой, ленивой или излишне непокорной. Но она не была.

Сейчас девушка спешила на курсы английского языка, которые начала посещать еще в прошлом году в гонке за собственным совершенством. Мама никаким иностранным языком не владела, а потому к французскому, который она учила в школе и в институте, Настя добавила английский, собираясь в этом году сдать экзамен IELTS.

Занималась она на самых лучших в городе курсах, попасть на которые было не так-то и просто. Стоили они тоже целое состояние, но Настя платила за второй год обучения сама, благо Ветлицкий платил ей неплохо. И отец, и отчим предлагали Насте не маяться дурью и взять у них деньги на оплату занятий, благо оба не бед-

ствовали, а зарплату тратить по собственному разумению на девчачьи безделушки, но Настя была непреклонна. По своему разумению, она считала необходимым самой платить за образование, вот и платила.

Она знала, что мама посмеивается втихомолку, потому что упорством в достижении целей и непреклонностью собственного мнения дочка была вся в нее, но Настя с этим и не спорила. У нее была замечательная мама, и никакая война между ними не бушевала, так, легкое соревнование, причем только с Настинной стороны.

На курсах ей нравилось. Во-первых, язык преподавала совершенно замечательная учительница, общаться с которой было просто удовольствием, а, во-вторых, на занятиях Настя неожиданно сдружилась с несколькими людьми, ранее в ее орбиту не попадавшими, и эта новая дружба оказалась крепкой и интересной.

Особенно сблизилась Настя с Аглаей Молчанской, дочкой известного в их городе предпринимателя — первопроходца в IT-сфере, которого, как и Настину мать, знал и уважал весь город. Впрочем, в отличие от Насти, Глашу известность отца ни капельки не тяготила. Глаша Молчанского обожала.

С полгода назад, правда, выяснилось, что Глашку выносила и родила суррогатная мать, и это открытие девушка пережила очень болезненно, ушла из дома, с отцом не разговаривала, плакала у подруги на плече.

Настя ее успокаивала, как могла, а потом случилась трагедия, в результате которой у Павла Молчанского погибла жена¹, и общее горе сблизило отца и дочь, чему Настя была очень рада. Павла она уважала, а к Глашке

¹ Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Бизнес-план счастья». — *Прим. ред.*

относилась как к младшей сестре, которой у нее никогда не было.

Отец Аглаи собирался жениться снова, к его подруге девушка относилась хорошо, но жить осталась отдельно, благо квартира у нее была своя. Настя, все еще живущая с мамой, этому обстоятельству немного завидовала, но о переезде в собственное жилье дома не заговаривала. Отец и отчим покупать ей квартиру не предлагали, а просить ей казалось зазорным. Машину подарили на восемнадцать лет — и спасибо. А квартиру она сама купит. Вот окончит институт, выйдет на работу на полный день, возьмет ипотеку и купит. А пока ей и с мамой нормально живется. Та, несмотря на всю свою занятость, кулиарка знатная и хозяйка отличная, есть чему поучиться, да и отвлекаться на хозяйственные хлопоты не нужно. Оно и славно.

На этих привычных мыслях Настя подъехала к зданию университета, в котором ходила на курсы английского языка, припарковала машину и выпорхнула на улицу, запахивая легкий пуховичок.

Весна в этом году была ранняя. Несмотря на начало марта, капало уже всюду, снег на газонах съезжился в тоске от неминуемой гибели. Был он серый, грязный, побитый жизнью и посеченный дождем, унылый и сдавшийся. При взгляде на этот снег, ноздреватый, как плохая кожа у не следящего за собой человека, Настя испытывала легкую брезгливость. Она не уважала тех, кто не следит за собой. И тех, кто легко сдается. Ее мама, к примеру, никогда не сдавалась. И Глашкин отец — тоже.

Она посмотрела на часы — без четверти пять. До начала занятий еще пятнадцать минут. Подождать Глашку на воздухе или зайти внутрь?

Воздух был холодный, но уже весенний. В нем висел тот непередаваемый аромат приближающейся весны, ко-

торый невозможно спутать ни с чем. Пахло каплей, надеждами, счастьем и еще немножко мечтой.

Настя, как человек серьезный, всем говорила, что мечтает о хорошей карьере. Она собиралась стать адвокатом и была готова много и трудно работать для достижения своей заветной цели. Но на самом деле, глубоко в душе, она мечтала о любви. Настоящей, крепкой, со счастливым концом. Она никому-никому об этом не говорила, чтобы не прослыть романтической дурочкой. Но ведь всем известно, что начало весны — время, когда просыпаются в глубокой берлоге не только медведи, но и запрятанные в недрах души мечты. Вот они и проснулись в отведенное природой время, и висели в воздухе, щекотали нос, дразня и насмехаясь.

С любовью Насте не везло. Точнее, любви не везло с Настей. При очень симпатичной внешности — огромных глазах, роскошных волосах, длинных ногах, тонкой талии и большой груди — она, разумеется, нравилась молодым людям. От поклонников у нее отбоя не было, вот только Насте было с ними скучно. С ней знакомились либо маменькины сынки, не способные самостоятельно не то чтобы женщину завоевать, а даже носки себе купить, либо стареющие бонвиваны, молодцевато стягивающие живот, приглашая на свидание, втайне от жены, разумеется.

С первыми Настя испытывала скуку, со вторыми — брезгливость. Она точно знала, каким требованиям должен соответствовать ее принц на белом коне — не пацан, но и не старый, лет тридцати, пожалуй. Холостой, умный, амбициозный, относящийся со страстью к тому, что делает.

Страстность природы Настя в людях ценила особо, наверное, потому, что мама ее была человеком глубоких страстей, и после водоворота чувств и событий, в эпи-

центре которых всегда находилась мама, трудно было довольствоваться серыми, пресными, обыденными буднями, которые, как карты, отчего-то сдавала жизнь, видимо, плохо тасующая колоду. Даже в Глашкиной жизни страстей было гораздо больше. И Настя, сама не желая в этом признаться, немного завидовала подруге.

Мимо прошел профессор английской литературы Николай Модестович Ровенский, и запах воздуха изменился, вместо весенней оттепели он пах теперь дорогим мужским одеколоном и трубочным табаком. Николай Модестович был в их городе тоже местной знаменитостью. По крайней мере, не учившаяся на инязе Настя была о нем наслышана. Известный шекспировед, он был ученым с мировым именем, читал лекции в Лондонском университете, много печатался в западных научных журналах и лишь в последние годы, будучи человеком уже немолодым, осел на родной кафедре.

Настина учительница английского, та самая, из-за которой на занятия хотелось идти как на праздник, была бывшей аспиранткой Ровенского и относилась к нему с глубоким почтением. Он молодую женщину тоже явно выделял среди всех остальных, по крайней мере, неделю назад ей даже удалось уговорить Ровенского прочитать слушателям ее курса лекцию по творчеству Шекспира, на английском, разумеется.

Настя поняла не все, но слушала, затаив дыхание, скорее даже не от интереса к теме, а попав под мощную харизму старого профессора. Его мягкий баритон обволакивал, заполняя все пространство аудитории, в нем отчего-то слышался морской прибой, то мягко набегающий на линию песка, то с воем разбивающийся о прибрежные камни.

Интересный, в общем, был дядька, хотя Глашке он не понравился. Несмотря на то что она была младше Насти

на три года, язык знала гораздо лучше, поскольку учила его с раннего детства. Видимо, именно знание языка позволило Глашке уловить тончайшие нюансы, недоступные Настиному пониманию, потому что она заявила, что лекция была крайне поверхностной.

Настя удивилась, но спорить не стала, потому что никогда не отстаивала точку зрения, не будучи уверенной в своих аргументах.

— Здравствуйте, Николай Модестович. — Сейчас она поздоровалась, потому что привыкла при любых обстоятельствах быть вежливой.

Одетый в дорожную, видно, что очень качественную, куртку, профессор замедлил шаг, а затем вовсе остановился, вглядываясь Насте в лицо.

— Добрый вечер, юная леди. Вы с какого курса? Я вас не помню.

— Я не студентка, — засмеялась Настя. — Точнее, студентка, но не ваша. Я в Юридической академии учусь, а сюда хожу на курсы английского, к Софье Михайловне.

— А-а-а, к Сонечке. — Добродушное лицо профессора осветила улыбка, которая ему очень шла. — Это вам повезло, юная леди. Сонечка — прекрасный педагог, одна из лучших моих учениц, да-с.

Он кашлянул и скрылся за дверью здания.

Настя начала замерзать и собиралась уже последовать его примеру, как увидела спешащую к ней Глашу. Та махала рукой, привлекая внимание подружки:

— Приве-е-е-ет!

— Привет. — Настя радостно улыбнулась, потому что действительно была рада видеть Аглаю. У той было какое-то удивительное свойство расцветивать жизнь вокруг себя и заставлять людей улыбаться. — Ты чего опаздываешь?

— Ничего я не опаздываю, еще без семи минут, все успею, — сообщила Глашка. — А ты чего, с Ровенским любезничала?

— Да просто поздоровалась, а он спросил, с какого я курса.

— Фу, какой он все-таки неприятный. — Глаша смешно сморщила нос и стала вдруг похожа на капризничавшего ребенка. — И бабник наверняка.

— Ну, что ты выдумываешь, Глаш, — рассмеялась Настя. — Ему же в обед сто лет, как он может быть бабником? И он не противный, а очень даже приятный. И умный. С ним наверняка очень интересно было бы поговорить. Ты представляешь, сколько он знает? Он же в Англии жил.

— Ну и что, — Аглая Молчанская умела быть ужасно упрямой, — мало ли, кто где жил. Все равно он старый противный козел. Обещай мне, что будешь держаться от него подальше.

— Да, конечно, буду. Что ты распахивалась-то? Мы с ним поговорили в первый и в последний раз в жизни, честное слово. Где он и где я. Все, пошли, Софья не любит, когда мы опаздываем.

Девушки зашли внутрь, и тяжелая университетская дверь захлопнулась за их спинами.

* * *

Соня злилась. Сердита она была с самого утра, потому что сегодняшнее утро не пахло кофе. Кофе был обязательным атрибутом ее жизни. Соня могла пить его в любое время дня и ночи, причем в самых неожиданных комбинациях, но по утрам кофе был жизненно необходим, и брат, подаривший ей кофеварку, утверждал, что делает это в медицинских целях, потому что для Сони с ее вечно

низким давлением хороший кофе — это не блажь взбесившегося гурмана, а лекарство. Не удовольствие, а необходимость.

Конечно, хороший кофе был все-таки удовольствием, причем не дешевым. Но Соня старалась экономить на новых сапогах (в старых вполне можно проходить еще год), платьях, поездках к морю, да на чем угодно, только не на кофе. К счастью, брат, купивший кофемашину, подбрасывал и капсулы к ней. Так что запас в кухонном шкафчике не иссякал, вот только сегодня он оказался бесполезным, потому что кофемашина сломалась.

Сначала Соня отказывалась поверить в неизбежное и все тыкала пальчиком в кнопки в надежде услышать знакомое жужжание, но машинка лишь щелкала чем-то внутри, а потом и вовсе замолчала. Сдалась. Соня позвонила брату.

— Денька, — жалобно сказала она, — у меня кофемашина сломалась. Совсем.

Брат масштаб проблемы оценил с ходу. У нее вообще был замечательный брат, все понимающий.

— Я сегодня в вечернюю смену, — деловито сказал он. — По дороге на работу заеду, посмотрю. Если что, заберу в ремонт, а тебе пока свою оставляю.

Нет, не брат у нее, а просто золото.

— Спасибо, — сказала Соня с искренней признательностью в голосе. — А то у меня, как назло, никаких запасов кофе. Молотый ты на Новый год использовал, а я так в запас и не купила, потому что привыкла капсулами пользоваться, а растворимый и вовсе в доме не держу. Гадость такую. Как теперь день прожить, вообще не представляю. Я ж без чашки кофе утром не человек.

— Заскочи в кофейню какую-нибудь по дороге. — Денис всегда был человеком действия, пустого сочувствия не признавал. — Либо посиди в красивом интерьере, по-